

**Формирование реалистического метода Н. В. Гоголя: от романтизма к
зрелой прозе**

**Максетбаева Д-Студентка 4 курса
Отделения русского языка и литературы
Научный руководитель: к.ф.н., и.о проф. Худайбергенова У.К.
Нукусского государственного педагогического университета им.**

**Бердаха
Нукус (Республика Узбекистан, Каракалпакстан)**

Maksetbaeva D.

4th year student

**Department of Russian Language and Literature
Scientific director: Ph.D., professor. Khudaibergenova U.K.
Karakalpak State University named after Berdakh,
Nukus, Karakalpakstan, Uzbekistan**

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления реалистического метода Н. В. Гоголя в контексте перехода русской литературы от романтизма к критическому реализму. На материале ключевых произведений писателя («Вечера на хуторе близ Диканьки», петербургские повести, «Ревизор», «Мёртвые души») проанализированы принципы типизации, социальной сатиры, психологизма, а также функции гротеска и фантастики как факторов, обогащающих реалистическую систему. Показана роль А. С. Пушкина в формировании художественного метода Гоголя, раскрыта эволюция творческих установок от романтической поэтики к зрелому реализму, синтезировавшему бытовую достоверность с фантастическим гротеском.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, реализм, романтизм, типизация, социальная сатира, психологизм, гротеск, фантастика, А. С. Пушкин.

Введение

Русская литература первой трети XIX века переживала интенсивную смену художественных систем. Ведущее место постепенно завоёвывал реализм, вызревавший в недрах романтической эстетики. Творчество Н. В. Гоголя наиболее полно выразило этот сложный переход: его метод не просто фиксировал действительность, а создавал особую художественную реальность, в которой

социальная критика соединялась с гротеском, фантастикой и философской глубиной [4, с. 45]. Цель настоящей статьи – раскрыть основные этапы формирования гоголевского реализма и выявить те принципы, которые обеспечили ему центральное место в истории отечественной словесности.

Переход от романтизма к реализму в русской литературе не был механической заменой одного направления другим. Романтизм, утвердивший самоценность личности и интерес к народной культуре, сам содержал предпосылки для будущего реалистического видения [4, с. 56]. Гоголь, начинавший с подражательных опытов (поэма «Ганц Кюхельгартен»), уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» обратился к живой народной жизни, украинскому фольклору, ярким характерам. Однако именно влияние А. С. Пушкина сыграло решающую роль в переориентации молодого писателя на критическое изображение современности [6, с. 112]. Пушкин не только подсказал сюжеты «Ревизора» и «Мёртвых душ», но и передал интерес к «маленькому человеку», историзму и социальной типизации [3, с. 56–58]. При этом Гоголь пошёл дальше: его сатира стала более острой, а фантастика – средством заострения абсурдности реального миропорядка.

Эволюцию гоголевского метода можно проследить на ключевых произведениях. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» типизация ещё носит фольклорно-романтический характер: персонажи делятся на положительных и отрицательных, быт тесно переплетён с фантастикой [2, с. 52–53]. В сборнике «Миргород» усиливается социальная критика: в «Старосветских помещиках» и «Повести о том, как поссорился...» Гоголь показывает пошлость и духовное омертвление провинциального быта [1, с. 112]. Петербургские повести явились лабораторией зрелого реализма: образ «маленького человека» (Башмачкин, Поприщин) развивается через «вещный» психологизм, а абсурдность бюрократической системы передаётся гротескной фантастикой («Нос») [5, с. 230; 2, с. 128].

Вершиной гоголевского реализма стали комедия «Ревизор» и поэма «Мёртвые души». В «Ревизоре» создана целостная картина уездного города как модели николаевской России; каждый персонаж – социальный тип, обобщённый до степени нарицательности [1, с. 178–180]. Сатира направлена не на отдельных лиц, а на саму систему, в которой взятка и казнокрадство стали нормой. В «Мёртвых душах» типизация достигает символической ёмкости: галерея помещиков воплощает ступени духовной деградации, а гротескная ситуация

покупки мёртвых душ выступает метафорой омертвления всего общественного устройства [2, с. 198; 1, с. 225].

Гоголевский психологизм принципиально отличен от аналитического метода Л. Толстого или Ф. Достоевского. Это психологизм «внешнего человека»: внутренний мир раскрывается через поступки, речь, бытовые детали, окружающую обстановку. Характер Манилова прочитывается через недоделанную мебель и книгу с закладкой на четырнадцатой странице; скупость Плюшкина – через нагромождение хлама [3, с. 115]. Отсутствие глубокой внутренней жизни у персонажей обнажает их духовную смерть, и это становится главным предметом авторской скорби.

Гротеск и фантастика у Гоголя не противостоят реализму, а служат его усилению. Фантастическое вырастает из самой действительности: история сбежавшего носа или ожившей шинели подчёркивает абсурдность бюрократической иерархии, где вещь оказывается важнее человека [3, с. 122]. В «Мёртвых душах» вся сюжетная ситуация гротескна, но за ней стоит реальная практика купли-продажи крестьян. Гоголевский гротеск – это «фантастика реальности», позволяющая в неправдоподобной форме выразить самую суть социальных и нравственных патологий [6, с. 210].

Таким образом, реалистический метод Гоголя сформировался как сложный синтез пушкинской традиции, романтической образности и острой социальной критики. Принципы типизации, сатиры и «внешнего» психологизма, обогащённые гротеском и фантастикой, создали уникальную художественную систему, оказавшую определяющее влияние на весь последующий русский реализм – от натуральной школы до романов Достоевского и Салтыкова-Щедрина. Гоголь выступил связующим звеном между пушкинским этапом и зрелым критическим реализмом второй половины XIX века, придав отечественной словесности ту этическую напряжённость и эстетическую многомерность, которые во многом определили её мировое значение.

Список литературы

1. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. – 415 с.
2. Золотусский И. П. Поэтика Гоголя. – М.: Наука, 2003. – 400 с.
3. Воропаев В. А. Гоголь и Православие. – М.: Алгоритм, 2008. – 384 с.
4. Смирнова Л. А. Русский реализм XIX века: истоки, этапы, судьбы. – М.: МГПУ, 2005. – 312 с.
5. Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 448 с.
6. Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 656 с.